

ГЛАВА 1

Август выдался изнуряющим.

Город М отделяли от столицы провинции добрые сто сорок километров. Несколько лет назад между ними проложили скоростное шоссе, и теперь путь из одной точки в другую занимал не более двух часов.

Шли летние каникулы. Пятнадцатилетний Сяо Цзичун месяц назад сдал вступительные экзамены в старшую школу. В этом году в программу входили лишь пять предметов: родной язык, математика, иностранный язык, физика и химия. Набрав 632 балла из 650 возможных, Цзичун занял первое место в общегородском рейтинге и без труда перевёлся из Корпуса средней школы Первой школы М в Корпус старшей школы Первой школы М.

Его блестящий результат не остался незамеченным: лучшая частная гимназия провинции оборвала телефон его родителей, предлагая полную стипендию и место в своих стенах.

У Сяо Цзичуна была тётка, которая несколько лет назад обосновалась на Хайнане, заправляя гостиничным бизнесом в курортной зоне. Она настойчиво звала племянника в гости, и тот согласился. Однако, проведя на острове всего пару дней, Сяо взбунтовался — непривычная жара и влажность оказались невыносимыми. Тётке пришлось отвезти его в аэропорт, откуда он самостоятельно вылетел обратно в столицу провинции.

Отец Сяо, пребывая в приподнятом настроении, пригнал из города М свою подержанную «Джетту», чтобы встретить сына.

Машина катилась по шоссе со скоростью около восьмидесяти километров в час — темпом едва ли не черепашью. Сяо Цзичун сидел на пассажирском сиденье и, глядя на проплывающие за окном пейзажи, то и дело проваливался в дремоту: ранний бюджетный рейс давал о себе знать.

Сяо-старший, худощавый и длиннолицый, отдалённо напоминал известного телеведущего Ли Юна. Он изо всех сил сдерживал желание засыпать сына вопросами и лишь изредка бросал на него восторженные взгляды, довольно ухмыляясь.

Сяо Цзичун, вздрогнув от очередного подозрительного смешка отца, окончательно проснулся.

— Пап, следи за дорогой, — сухо бросил он. — Это небезопасно.

— О, да-да, конечно, — отозвался отец, не переставая улыбаться.

Цзичуну стало не по себе от этого выражения лица.

— Чему ты смеёшься?

— Просто люблюсь, — признался отец. — Гляжу, какой у меня сын — и красавец, и умница. Как тут не радоваться?

Сяо Цзичун ничего не ответил.

Он унаследовал от матери тонкие черты лица: безупречный овал, выразительные глаза, прямой нос и чётко очерченные губы. В свои пятнадцать он казался воплощением юношеской чистоты — статный, начитанный, похожий на юное деревце, освещённое первыми лучами солнца.

Его характер, впрочем, заметно отличался от отцовского. Если Сяо-старший, учитель литературы, был разговорчив и склонен к шуткам, то Цзичун, пошедший в мать-медика, отличался рассудительностью и сдержанностью. Он не любил пустой болтовни, да и вообще предпочитал больше слушать, чем говорить.

Отец, занимавший в домашней иерархии самое последнее место, замолчал, видя, что сын не настроен на беседу. Но вскоре всё же вернулся к насущному:

— Ты уверен, что не хочешь в Экспериментальную среднюю школу столицы провинции? Тебе ведь не только за учёбу платить не пришлось бы, так ещё и семье дали бы пятьдесят тысяч субсидии.

В те годы пятьдесят тысяч юаней были весьма солидной суммой.

Цзичун перевёл на него взгляд.

— Я хочу учиться рядом с домом. В столице провинции придётся жить в общежитии. Я не поеду.

Это был его единственный и неизменный аргумент.

Сяо-старший знал, что его сын — домосед с патологической тягой к порядку и чистоте. Заставить его делить быт с другими подростками в тесной комнате общежития было задачей почти невыполнимой.

— Почему ты так привязан к дому? — вздохнул отец. — Мужчина должен считать своим домом весь мир, а не сидеть на одном месте.

Экспериментальная средняя школа столицы провинции была частным, но крайне престижным заведением. Большинство её выпускников уезжали за границу, другие без экзаменов поступали в лучшие вузы страны, а оставшиеся неизменно показывали высочайшие баллы на

госэкзаменах. Как педагог, отец понимал, какой кругозор открывает такая школа, и искренне желал сыну этого будущего.

Цзичун же стоял на своём. Мать, в отличие от отца, не стала давить, решив уважать выбор сына — при условии, что он осознаёт последствия и не станет никого винить в будущем.

Летнее марево дрожало над землёй. Асфальт шоссе, плавясь под палящим солнцем, уходил вдаль иссиня-чёрной лентой. Сяо Цзичун снова прикрыл глаза, и густые тени от ресниц легли на его бледные щёки.

— Признавайся, сынок, у тебя там небось девушка осталась? — поддразнил его отец. — Поэтому и не хочешь уезжать из нашей Первой средней школы города М?

Сяо-старший и сам не знал, чего в этих словах больше: шутки или страха, что сын действительно впутался в ранний роман. Цзичун даже бровью не повёл, делая вид, что крепко спит. Отец вздохнул и умолк.

Молчаливость Цзичуна во многом была защитной реакцией на отцовское балагурство. Если бы он начал отвечать на каждую нелепую шутку, то потратил бы слишком много времени — и, что хуже всего, признал бы, что и сам способен на подобное легкомыслие.

В юго-западной части города М располагался жилой район, застроенный ведомственными домами для работников здравоохранения и образования. Те, что принадлежали медикам, назывались «Вэйсиньюань», а те, что работникам образования — «Таолююань».

Домам было уже лет пятнадцать. Район зарос густой зеленью, в которой летом не умолкал стрекот цикад. Тесные дворы, узкие проезды и вечное отсутствие парковочных мест вынуждали жильцов бросать машины прямо под деревьями. Если не заводить мотор неделю, автомобиль рисковал полностью скрыть свой цвет под слоем птичьего помёта.

Семья Сяо жила во втором подъезде «Вэйсиньюаня», на шестом этаже.

В тот самый момент, когда «Джетта» отца миновала пункт оплаты на въезде в город, на втором и четвёртом этажах этого подъезда начали разворачиваться события, изменившие привычный ход вещей.

Жара стояла невыносимая — около тридцати пяти градусов. Плотная тень деревьев не спасала: влажность была такой высокой, что одежда мгновенно прилипала к телу. В воздухе, помимо привычного гула цикад, висел тяжёлый запах забродившего мусора из баков.

Между первым и вторым подъездами быстрым шагом шёл высокий худощавый мужчина. Был

будний день, большинство жильцов находились на работе, и двор пустовал.

Миновав мусорные баки, он даже не поморщился от вони. Мужчина целенаправленно зашёл во второй подъезд и поднялся на второй этаж. Дверь квартиры №2 состояла из двух слоёв: внешняя железная решётка и внутренняя бронированная дверь. Последняя была распахнута для проветривания.

Мужчина привычным движением дёрнул решётку. В этот момент из кухни вышла старуха лет семидесяти-восемидесяти с тарелкой нарезанного арбуза.

На её лице отразилась сложная гамма чувств: испуг, гнев и какая-то болезненная, выстраданная жалость. Она не выпустила тарелку из рук, но подошла и открыла замок.

— Ты всё-таки явился, — пробормотала она. — Повезло тебе, что отца нет дома, он бы тебя и на порог не пустил.

Лицо мужчины осунулось, под глазами залегли тяжёлые тени, а взгляд был блуждающим, лишённым фокуса. Он мазнул глазами по старухе и хрипло бросил:

— Я за деньгами.

Старуха мгновенно помрачнела.

— Нет у нас денег. Больше я тебе ничего не дам.

Мужчина проигнорировал её слова. Он грубо оттолкнул старуху в сторону. Женщина не удержалась на ногах и упала на пол; тарелка с арбузом выскользнула из её рук и с резким звоном разлетелась вдребезги.

Она вскрикнула от боли, но тут же прижала ладонь к губам, боясь, что соседи услышат и придут смотреть на их семейный позор. Пока она пыталась подняться, мужчина уже скрылся в спальне — он прекрасно знал, где спрятаны записки.

Из комнаты послышался тонкий голосок трёхлетней девочки:

— Дядя...

Мужчина не обратил внимания на испуганного ребёнка. Он стащил девочку с кровати, откинул бамбуковую циновку и, как и ожидал, нашёл сверток с купюрами.

Едва он собрался уходить, в комнату вбежала старуха. Она вцепилась в него, пытаясь отобрать

деньги.

— Ах ты паршивец! Чтоб ты сгинул где-нибудь! Отдай... отдай сейчас же!

Мужчина с силой швырнул её на кровать. Девочка, окончательно перепуганная, широко открыла рот, готовясь зайти в плаче. Чтобы заглушить её крик, мужчина схватил с комода портновские ножницы и несколько раз ударил ими ребёнка. Девочка захлебнулась, не успев издать ни звука.

Старуха, обезумев от ужаса, бросилась на него, пытаясь выхватить оружие, но лезвие вонзилось и в её тело.

На мгновение мужчина застыл, словно очнувшись, но паника быстро взяла верх. Он крепче прижал к себе сверток с деньгами и выскочил из квартиры.

Четвёртый этаж.

Янь Жань был ровесником Сяо Цзичуна. Они учились в одной школе, но в разных классах. В этом году на долю Янь Жаня тоже выпало тяжёлое испытание — переход в старшие классы.

Мать Янь Жаня, Ли Мэй, была женщиной волевой и деятельной. Завуч и заместитель директора во Второй начальной школе, она славилась своим крутым нравом и железной хваткой.

Сейчас, во время каникул, у неё выдалось несколько свободных дней, которые она решила полностью посвятить будущему сыну.

Янь Жань стоял посреди гостиной, втянув голову в плечи. Недавно ему поставили брекететы, и он всё ещё не мог к ним привыкнуть — тупая боль отзывалась во всём теле, доходя до самого затылка.

Но физическая боль была ничем по сравнению с тем ужасом, который внушала ему мать.

Ли Мэй, невысокая и склонная к полноте женщина с круглым лицом, обычно производила впечатление человека добродушного. Но сейчас она сидела на диване, буравя сына яростным взглядом, и лицо её казалось искажённым судорогой гнева.

— Посмотри на себя, — прошипела она. — Мы с отцом — люди уважаемые, добились всего сами. Как у нас мог уродиться такой никчёмный сын?

Янь Жань молчал, не смея поднять глаз. Его душила смесь обиды и жгучего стыда за то, что он стал позором для семьи.

Видя его поникший вид, Ли Мэй взорвалась:

— Что ты горбишься?! Мало того что мозгов нет, так ещё и спину выпрямить не можешь? У тебя хоть капля гордости есть? Встань ровно!

Янь Жань вздрогнул и выпрямился, но его затравленный вид лишь подлил масла в огонь. Ли Мэй схватила со стола увесистую книгу и швырнула в сына. Он инстинктивно хотел уклониться, но, вовремя спохватившись, замер, зажмурив глаза и принимая удар.

Ли Мэй тяжело дышала.

— Подними книгу и неси сюда! — приказала она.

Удар пришёлся в область рёбер, и Янь Жань, преодолевая боль, нагнулся. Едва он протянул книгу матери, как та с размаху ударила его ею по плечу.

— Ты посмотри, какой тюфяк! — кричала она. — В кого ты такой уродился? Сын Сяо из квартиры сверху набрал 632 балла! Первый во всём городе! Нам не нужны рекорды, но ты мог набрать хотя бы пятьсот? 473! Как тебе не стыдно с таким результатом в глаза людям смотреть? Я из кожи вон лезла, связи искала, чтобы тебя в Провинциальную экспериментальную среднюю школу пристроили, позорилась перед всеми, а ты... Позорище!

Каждое слово сопровождалось ударом книги. Янь Жань терпел, сжимая челюсти так, что зубы ныли под металлом брекетов. Слезы жгли глаза, но он не позволял им скатиться. Он ведь честно старался. Он правда учился, не покладая рук.

Бабушка Янь спала в своей комнате. Старушка крепко спала днём, а толстые стены ведомственного дома и добротная дубовая дверь надёжно отсекали шум скандала. Она не слышала, как невестка распекает внука.

Приходящая помощница, тётушка Ду, сочувствовала мальчику, но саму Ли Мэй боялась до дрожи. Не выдержав, она прокралась к комнате бабушки и осторожно разбудила её.

Бабушка Янь была женщиной с характером, но в единственном внуке души не чаяла. Проснувшись и поняв, в чём дело, она быстро натянула тапочки и поспешила в гостиную. Как раз в этот момент обычно покорный Янь Жань, глотая слёзы, выдавил:

— Я не хочу в Экспериментальную среднюю школу столицы провинции! Я хочу в Первую среднюю!

Услышав это, бабушка Янь даже забыла рассердиться на невестку. Она подлетела к внуку, заслоняя его собой.

— Жань-жань, что ты такое говоришь? Как это — не поедешь? Останешься здесь?

Янь Жань, бледный как полотно, ещё ниже опустил голову.

— Да, я останусь здесь. Пожалуйста, разрешите мне пойти в Первую среднюю.

— Ты хоть понимаешь, идиот, сколько сил и денег мы угробили, чтобы выхлопотать тебе место?

— взревела Ли Мэй.

— Но наша Первая средняя ничем не хуже столичной! — упрямо выкрикнул Янь Жань.

— Да что ты понимаешь! — Ли Мэй была готова вцепиться ему в волосы. — Всё уже решено! Ты едешь в столицу провинции!

Янь Жань внезапно разрыдался:

— Я не поеду!

Мать снова бросилась на него, но бабушка, несмотря на свою полноту, проворно преградила ей путь.

— Хватит! — прикрикнула она. — Сказано — сделано, чего руками махать?

— Отойдите, мама! Вы его совсем распустили! — Ли Мэй пыталась дотянуться до сына из-за спины свекрови. — Вы только посмотрите на его баллы! Мы же опозорены на весь город!

Тётушка Ду, видя, что дело доходит до настоящей драки между женщинами, отчаянно замахала Янь Жаню руками, призывая его бежать.

Янь Жань колебался, боясь разгневать мать ещё сильнее, но, видя, что из-за него бабушка и мать вот-вот вцепятся друг другу в волосы, сорвался с места и выскочил за дверь.

Он кубарем скатился по лестнице.

На втором этаже он на полном ходу столкнулся с мужчиной, вылетающим из квартиры. В одной руке незнакомец сжимал окровавленные кухонные ножницы, а в другой — прижимал к груди сверток с деньгами.

<http://bllate.org/book/17500/1647280>